

Заглавие статьи	СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФРОНТИРА РОССИИ
Автор(ы)	А. В. НЕМИРОВСКАЯ, Р. ФОА
Источник	Социологические исследования, № 4, Апрель 2013, С. 80-88
Рубрика	• У НАС В ГОСТЯХ СОЦИОЛОГИ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
Место издания	Москва, Российская Федерация
Объем	44.1 Kbytes
Количество слов	3911
Постоянный адрес статьи	http://www.ebiblioteka.ru/browse/doc/29875841

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФРОНТИРА РОССИИ

Автор: А. В. НЕМИРОВСКАЯ, Р. ФОА

НЕМИРОВСКАЯ Анна Валентиновна - кандидат социологических наук, кандидат филологических наук, доцент Сибирского федерального университета; доцент, старший научный сотрудник Высшей школы экономики (СПб) (E-mail: annanemirov@gmail.com); ФОА Роберто (Foa Roberto) - научный сотрудник Гарвардского университета (США), факультет государственного управления, докторант Department of Government (E-mail: foa@fas.harvard.edu).

Аннотация: Обосновывается региональная типологизация социокультурного пространства России на базе тезиса о фронтире Ф.Дж. Тернера. На данных Всемирного исследования ценностей продемонстрированы ключевые различия социокультурного пространства центра и фронтира. Особое внимание уделяется сравнительному анализу социальной толерантности, региональной идентичности, доверия, гражданского участия и удовлетворенности жизнью населения территорий центра и фронтира России¹.

Ключевые слова: социокультурное пространство * регионализация * региональная идентичность * социальная толерантность * доверие * расселение * концепция фронтира

Введение. Отличительные черты социокультурного пространства региона формируются в непосредственной связи с территорией, на которой существуют социальные общности, социальные институты, субъекты культуры, составляющие региональный социум. Как отмечает Н. И. Лапин, "многие нынешние проблемы российских регионов имеют глубокие корни, которые уходят в древние пласты истории России и каждого региона, вновь проросли в условиях кризиса 90-х годов и продолжают оказывать свое влияние и теперь ... по-видимому, еще не завершилось формирование социокультурного пространства России как большого общества" [Регионы в России, 2009: 17]. Наши исследования в 2010 - 2012 гг. на материалах методики *Социокультурный портрет региона* по программе "Социокультурная эволюция России и её регионов" выявили отличительные характеристики Восточной Сибири по сравнению с Россией при изучении базовых ценностей, региональной идентичности, социальной толерантности, социальной структуры и др. [Социокультурный портрет, 2010; Социокультурные процессы, 2011 и др.].

Обращаясь к вопросу региональной дифференциации современного российского социума, невозможно обойти стороной историю заселения территории страны, историческую и поселенческую специфику формирования региональных сообществ в России. Каждому региону присущи социокультурные особенности, дифференцирующие исторические, этнические, религиозные, экономические, географические и др. различия, вкпе создающие социокультурное разнообразие социального ландшафта

Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта "Внутренние империи: социальная и политическая культура фронтира" НИУ ВШЭ.

¹ Поддерживая новаторский характер постановки проблемы фронтира, отмечаем, что освоение западных территорий в США и освоение Россией Сибири имеют существенные различия в методах, что прежде всего отразилось в судьбах автохтонных народов, населяющих эти регионы. Возможно, требуется поиск и применение иного обозначения этого процесса применительно к освоению районов Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера России - *Прим. редакции.*

стр. 80

государства. Регионализация страны учитывает различные наборы параметров, -географических, культурных, экономических, а также комплексные типологии. Наиболее привычное для социальных исследователей деление - рассмотрение региона в границах субъекта Российской Федерации - например, Красноярский край, либо национально-исторической территории - Восточная Сибирь, реже - на основании более современного административного деления - федеральный округ.

Один из ключевых фактов истории нашей страны, в значительной мере обуславливающий отличия социокультурного пространства регионов севера и востока России от ее центральных территорий, описан в Курсе русской истории выдающегося российского историка В. О. Ключевского: "История России есть история страны, которая колонизируется. Область колонизации в ней расширялась вместе с государственной её территорией. То падая, то поднимаясь, это вековое движение продолжается до наших дней. Оно усилилось с отменой крепостного права, когда начался отлив населения из центральных чернозёмных губерний, где оно долго искусственно сгущалось и насильственно задерживалось. Отсюда население пошло разносторонними струями в Новороссию, на Кавказ, за Волгу и далее за Каспийское море, особенно за Урал в Сибирь, до берегов Тихого океана. Во второй половине XIX в., когда только начиналась русская колонизация Туркестана, там водворилось уже свыше 200 тысяч русских и в том числе около 100 тысяч образовали до 150 сельских поселений, составившихся из крестьян-переселенцев и местами представляющих значительные острова почти сплошного земледельческого населения. Ещё напряженнее переселенческий поток в Сибирь. Официально известно, что ежегодное число переселенцев в Сибирь, до 1880-х годов не превышавшее 2 тысяч человек, а в начале последнего десятилетия

прошлого века достигшее до 50 тысяч, с 1896 г. благодаря Сибирской железной дороге возросло до 200 тысяч человек, а за два с половиной года (с 1907 по июль 1909 г.) в Сибирь прошло около 2 миллионов переселенцев" [Ключевский, 2011].

Длительная экспансия на восток и север страны продолжалась практически до второй половины XX в., приобретая характер государственной стратегии освоения богатых ресурсами регионов. Подобные факты истории важно учитывать в анализе региональных различий России. В этой связи исследование, представленное в настоящей статье, базируется на комплексной типологизации в пространстве географических, демографических и временных координат. Так, регионы в пределах современной России определены в соответствии с критериями тезиса о фронтире, или границе, американского историка Ф. Тернера, рассматривавшего территориальную экспансию и американский Запад как ключевые факторы развития США и демократических институтов страны. В общем виде Ф. Тернер трактовал фронтир как границу между освоенными и неосвоенными землями, как "процесс встречи, неожиданного столкновения колонизаторов, местного населения и окружающей среды" [Тернер, 2009]. Основные характеристики социума фронтира - спонтанная социальная организация, становление новых социальных институтов, приверженность населения своей территории, самоидентификация с "истинной" нацией, которой принадлежит страна, установление местных законов, широкое участие в различных социальных объединениях и др.

Тезис о фронтире изложен Тернером в работе "Фронтир в истории Америки" (Frontier in American History) в 1920 г. Положения этой теории актуальны для социального анализа контекста модернизации регионов нашей страны, социальных процессов в них, объяснения значительной социокультурной дифференциации региональных социумов, а также позволяют осуществить компаративный анализ социума России и других стран со схожими путями заселения территории и государственного формирования, что является задачей наших дальнейших исследований. Идея освоения территории и колонизации получила значительное развитие в исторической, культурологической и антропологической научной литературе за рубежом и в России - в работах Р. Биллингтона, Д. М. Вробеля, Е. Шульман, А. Д. Агеева, Н. Ю. Замятиной, Д. Я. Резуна, А. С. Хромых, В. П. Румянцева и Е. В. Хахалкиной, М. Брайтмана, В. Э. Гротти, О. Ултургашевой, И. П. Басалаевой, О. Н. Судаковой и др. Тем не менее эвристический

стр. 81

потенциал этого подхода в эмпирическом социологическом анализе не реализован. На основе материалов социологических опросов в этой статье рассмотрены специфические социокультурные черты, принципиально отличающие жителя фронтира, иными словами - "территории освоения" или "приграничной территории", от жителей коренных территорий страны.

Теоретико-методологические основы и методика исследования. Фронтир может быть определен по ряду параметров, включающих административную удаленность (дистанцию от центральной власти), немногочисленное население, относительно недавнюю заселенность территории пришлым населением. В данном случае фронтир - отдаленные территории, большая часть населения которых является мигрантами, или потомками мигрантов, и, следовательно, социальные институты которых, общественный порядок, полиция, судебная власть, местное управление и администрация - исторически относительно новы. Именно специфика административных структур определяет суть фронтира, поэтому регионы с невысокой плотностью населения не обязательно являются фронтиром. Так, многие территории могут характеризоваться низкой плотностью населения, однако именно прибытие населения в свободные, незанятые, неосвоенные земли, строительство новых поселений, установление власти, избирательных округов, формирование общественных объединений, ассоциаций, общин и др. являются типичными характеристиками фронтира.

И. П. Басалаева [Басалаева, 2012] выявляет типичные характеристики фронтира с опорой на материалы исторических источников, историографических работ, литературных произведений и др. Фронтиру присущи такие объективные конкретно-исторические черты, как: этнокультурная неоднородность групп (и позднее закрепляемых за ними территорий), их неравная численность, их амбивалентно-конфликтное взаимодействие, изначальная тендерная диспропорция в доминантной группе, дальнейшая социокультурная и этническая ассимиляция, окраинное геополитическое расположение фронтальной территории, отсутствие четких границ - государственных и внутренних, квазиграничность (наличие "естественных пограничных рубежей", зонировующих пространство фронтира), центрирование зоны очагами "городской жизни", де-факто колониальный статус территории, отсутствие теоретически осмысленной целенаправленной региональной политики, номинальный характер государственной власти, её отличие от таковой в метрополии, рыхлость административно-управленческой структуры, компрадорская по сути "местная" власть-нерезидент, "административное бесправие" и произвол, а также более высокая, чем в метрополии, степень горизонтальной и вертикальной мобильности, несформированность постоянного (местного) населения.

В спектр нашего исследования вошли территории фронтира в границах ряда современных государств, отвечающих нескольким критериям [Foa, Nemirovskaya, Mostowowa, 2012], а именно- удаленность от центральной власти, заселенность вследствие миграционных потоков, слабая плотность населения данной территории (табл.). Представленные ниже данные демонстрируют статистические характеристики фронтира в мире на основании этих трех параметров.

Еще один метод определения фронтира - оценка дат исторического заселения территории. Ж. Робинсон и К. Гарсия-Хименьо (2009) вычислили долю общей площади территории Северной Америки с плотностью населения менее 0.7725 человека на квадратный километр (2 на квадратную милю), по данным статистики 1850 г. для США и 1851 г. для Канады, на основе данных Переписи населения США 1898 г. и Статистического управления Канады, 1957 г. Что касается России, мы построили карту, используя данные переписи населения Российской империи 1897 г. - первой полной переписи на российской территории. С учетом естественного прироста населения были использованы приближенные оценки уровня 1850 г. и рассчитана плотность населения.

Хотя в России, в отличие от США, государство было инициатором и проводником освоения новых земель: до XIX в. российское правительство запрещало свободное

Таблица

Институциональное доверие населения регионов центра и фронта России (в % от числа опрошенных)

Варианты ответов	Полностью доверяю		В некоторой степени доверяю		Не очень доверяю		Совсем не доверяю	
	Центр	Фронт	Центр	Фронт	Центр	Фронт	Центр	Фронт
Церковь	26	18	41	39	21	26	12	17
Вооруженные силы	24	24	44	44	24	24	8	8
Пресса	5	5	31	28	44	45	20	22
Телевидение	6	5	41	38	40	44	13	13
Профсоюзы	6	6	32	28	35	37	27	29
Милиция	7	5	24	27	38	41	31	27
Система правосудия	7	7	31	32	38	40	24	21
Правительство	5	2	32	22	40	40	25	36
Политические партии	2	1	19	19	43	47	36	33
Парламент	3	2	21	22	42	39	34	37
Государственные учреждения	6	5	41	39	37	37	16	19
Крупные компании	3	2	24	20	36	35	37	43
Экологические организации	18	20	53	53	20	21	9	6
Женские общественные организации	18	20	48	47	22	22	12	11
Благотворительные или гуманитарные организации	14	19	44	31	27	32	15	18
СНГ	6	4	32	32	33	31	29	33

ООН	9	7	34	35	30	30	27	28
-----	---	---	----	----	----	----	----	----

переселение в Сибирь, используя её как поставщика сырья и место ссылки. Первое переселение государственных крестьян, имевших на душу менее 5 десятин, началось по указу 1822 г. Лишь в 1880-е гг. переселение было признано "полезным для государства", а в 1896 г. создано Переселенческое управление, выделены деньги на землеустроительные, землеотводные и мелиоративные работы, посланы специалисты (статистики, экономисты) для изучения проблем переселения, проведения почвенных исследований. В начале XX в. правительство перешло от ограничений к политике свободного переселения крестьян. Закон от 6 июня 1904 г. предоставлял всем желающим право на миграцию, независимо от имущественного положения [Супоницкая, 2012].

В 1897 г. население России в основном проживало на территориях европейской части России и в городах Урала. Сибирь и Дальний Восток были крайне незначительно заселены до строительства транссибирской железнодорожной магистрали, которое было начато в 1891 и завершено с разной степенью готовности в 1897, 1904 и 1916 гг. Население было сосредоточено в небольших городах Красноярск, Томск и

стр. 83

Новосибирск (основан в 1893 г.). Города Севера, Архангельск и Северодвинск, были малочисленны, а будущий Мурманск появился в 1916 г. Таким образом, на основе критерия малой населенности территории фронтир России включает Сибирь, Арктический Север и Дальний Восток.

В данной статье мы используем базу данных Всемирного исследования ценностей (5 волн исследования с 1981 г. по 2007 г., совокупная выборка респондентов из России - 6573 человека, 5382 жителя центра страны и 1191 житель фронта России) [Всемирное исследование ценностей]. По их суждению фронтир России состоит из регионов Восточной Сибири, Дальнего Востока, арктических регионов русского Севера, которые, учитывая точное, рассредоточенное по территории немногочисленное население во времена Российской Империи, все были массово заселены в двадцатом веке. Западная Сибирь, в том числе Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа, не вошли в выборку данного исследования по причине его отнесения к Уральскому федеральному округу. Тем не менее, поскольку население ЯНАО только 0,35% от населения России, исключение его из выборки не окажет значимого влияния на результаты исследования.

Уровень развития. Остановимся на социальных индикаторах, репрезентирующих отличия фронта от центра России: социальном самочувствии, социальном активизме и гражданском участии, доверии, социальной толерантности и региональной идентичности, а также уровне преступности.

По нашему мнению, неблагоприятные условия жизни, вкупе с традиционными независимостью, самостоятельностью, инициативностью, свойственными характеру жителя фронта, уровень социального активизма, гражданского участия и гражданского протеста их выше, чем у населения центра страны. Так, по данным Всемирного исследования ценностей, на 11% больше жителей фронта по сравнению с жителями центра принимали участие в подписании петиций, на 8% - в бойкотах и демонстрациях.

Известные свойства фронта как "региона освоения", встречи цивилизаций, контакта культур и укладов - более высокий уровень кооперации, доверия - также проявляются в российских территориях. Уровень обобщенного доверия в территориях фронта немного выше. Так, на вопрос "Если говорить в целом, Вы считаете, что большинству людей можно доверять?", утвердительно ответили 27% жителей регионов фронта и 24% в центре страны. Жители фронта заметно меньше доверяют людям другой религии - 71% по сравнению с 63% населения центра (сумма ответов "не очень доверяю" и "совсем не доверяю"), а также несколько меньше доверяют людям другой национальности (63% и 60% соответственно). Практически одинаковый уровень доверия по отношению к людям, с которыми респонденты лично знакомы, в фронтире (84%) и центре (85%). Однако люди, с которыми респонденты встречаются в первый раз, вызывают более высокое недоверие у населения центра (40%) по сравнению с жителями территорий фронта (31%). В отношении недоверия соседям различия между населением фронта и центра еще более заметны: лишь 18% респондентов фронта совсем не доверяют соседям, в то время как в центре эта цифра значительно выше - 27%. Можно предположить, что в этом проявляются особенности взаимодействия людей в региональном социуме, сложившемся в результате как ссылок и принудительных переселений, так и добровольных миграций населения - для обустройства на новом месте, налаживания жизни, кооперации, заработка - доверие к людям, которые встречались на пути, было жизненно необходимо. Более высокие показатели обобщенного и личностного доверия на территориях фронта позволяют предполагать и более высокий уровень социального капитала, который формируется на основе доверия в обществе.

Рассматривая доверие населения фронта и центра страны к социальным институтам и общностям (рис. 1), обращает на себя внимание значительно более низкий уровень доверия церкви (57% на фронтире и 67% в центре), благотворительным и гуманитарным организациям (50% и 58%), правительству (37% и 24%), телевидению (43% и 47%) и крупным компаниям (22% и 27%). Как видно, полностью солидарны

стр. 84

Рис. 1. Участие населения территорий центра и фронта России в добровольных объединениях.

жители центра и фронта только в отношении доверия вооруженным силам. По большинству индикаторов степени институционального доверия, доверие населения фронта социальным институтам и общностям ниже, чем в центре, за исключением (разница всего в 1 - 2%) доверия милиции, правосудию (уровень недоверия им много больше, чем доверия), экологическим и женским общественным организациям.

Население фронта в большей степени вовлечено в добровольные объединения, общественные организации - процент членов большинства типов общественных организаций выше, чем в центре - за исключением политических, спортивных и религиозных организаций. Эти данные подтверждают характеристику большей склонности к общественной, коллективной организации населения фронта.

В опроснике Всемирного исследования ценностей социальная толерантность изучалась с помощью вопроса "Назовите группы, с представителями которых Вы не хотели бы жить по соседству". Для респондентов фронта более нежелательны, чем для опрошенных в центре, пары, живущие в гражданском браке (6% против 4%) и гомосексуалисты (65% и 66%), что говорит о более консервативных взглядах на социальные нормы. Между фронтом и центром заметно также различие в отношении одобрения представителей ряда других групп в качестве своих соседей - на 7% больше жителей фронта согласны жить по соседству с иммигрантами и иностранными рабочими, как и с больными СПИДом, на 6% - с людьми другой национальности, на 4% - с людьми, разговаривающими на иностранном языке и алкоголиками, на 3% - с наркоманами, и, наименьшее расхождение, в 2% - в отношении людей другой религии (см. рис. 2).

Парадоксальное сочетание открытости к мигрантам и одновременный консерватизм жителей фронта подтверждает меньшая степень согласия с утверждением "когда рабочих мест недостаточно, предпочтение следует отдавать россиянам перед иммигрантами" (73% на фронте против 77% в центре) и несколько большим согласием с утверждением, что "когда рабочих мест недостаточно, мужчины должны иметь больше прав на рабочее место, чем женщины" - 42% и 40%.

Население фронта больше волнует проблема смысла жизни - 52% по сравнению с 44% центра страны ответили, что часто думают о смысле жизни. При этом жители фронта значительно менее религиозны. Анализ ответов на вопрос "Независимо от того, посещаете Вы церковь или нет, можете ли Вы сказать, что Вы верующий, неверующий или убежденный атеист", показал, что немногим более половины респондентов из территорий фронта считают себя верующими (53%), в то время как в

Рис. 2. Социальная толерантность населения территорий центра и фронта России.

центре таковых 71%. Неверующими себя назвали 25% в центре и 40% в фронте, а убежденными атеистами 4% и 7%.

Видимые различия обнаруживаются в региональной идентичности: 76% жителей центра страны в той или иной мере гордятся принадлежностью к России. На территориях фронта таких 70% (сумма ответов "очень горжусь" и "скорее

горжусь, чем нет"). Соответственно, 24% в центре, по сравнению с 30% в регионах фронта (сумма ответов "не очень горжусь" и "совсем не горжусь"), не испытывают чувства гордости от принадлежности к россиянам. Это может объясняться рядом мировоззренческих факторов. Среди них в отечественной литературе указываются: переселенческая и миграционная основы формирования сообществ фронта и территориальная удаленность от центральной власти; наличие устойчивых представлений местного населения об "истинных хозяевах" этих территорий; неприятие колониальной по сути политики "центра"; более сильная региональная идентичность по сравнению с общероссийской [Немировский, Немировская, 2010; Социокультурные процессы в Восточной Сибири, 2011 и др.]. Близкие черты выделяют и в работах о концепции фронта [Тернер, 2009; Резун, 2005; Супоница, 2012 и др.].

Тем не менее, важно отметить, что, несмотря на меньшую степень самоидентификации с населением страны в целом, жителей территорий фронта, вероятно, все же можно назвать большими патриотами: 82% населения фронта, по сравнению с 79% из центра страны, ответили, что они готовы сражаться за Россию, если начнется война.

Среди сообществ фронта в мире Россия не исключение в плане преступности. Высокий уровень преступности и насилия был всегда свойственен территории фронта, что объяснялось слабостью местной власти или и вовсе её отсутствием. Как пишет И. Супоницкая, "Сибирь превосходила по преступности другие районы России, причём более половины преступлений совершали ссыльные. На первом месте среди преступлений после бродяжничества было убийство, а не кража, как в Европейской России" [Супоницкая, 2012]. Главным источником преступности были беглые преступники и каторжники, порой создававшие целые поселения в тайге. Государство предоставило крестьянам право решать свои вопросы внутри общины, что приводило не только к обособленной жизни, но и действиям в обход официальных законов. Крестьяне изобретали свои правила для бродяг. Известен своей жестокостью сибирский

крестьянский самосуд, часто подменявший власть, расправляясь с ворами и беглыми своими силами.

И по сей день территории фронта отличаются значительно более высоким уровнем преступности по сравнению с европейской частью России. Чем дальше на Восток, тем выше показатели уровня убийств - с видимым увеличением уровня преступности на Урале, еще более высокими показателями в Красноярске и максимальном уровне убийств в регионе от озера Байкал до Магадана. Если в европейской части России уровень убийств составляет 5.5 случаев на 100 тысяч населения, в Сибири показатель варьируется от 26 случаев на 100 тысяч населения в Бурятии, 22- в Иркутске и 35 в Забайкальском крае. Неудивительно, что в более тяжелых экономических, климатических и небезопасных условиях жизни население этих территорий ощущает себя в меньшей безопасности по сравнению с жителями центра страны.

Выводы. Доверие в обществе, удовлетворение населения качеством своей жизни, уровень развития кооперации и социального капитала на территориях фронта, отношение к России и восприятие своего места в ней неизменно поднимаются на фоне обсуждений модернизации страны и её ресурсных, производящих регионов. Последние годы эти территории характеризуются убылью населения вследствие миграции в регионы центра и юга страны. Территории фронта отстают по многим показателям качества и продолжительности жизни, дохода, безопасности, доступности медицинских услуг и уровня развития инфраструктуры от среднероссийского уровня. Начатая модернизация страны и реализуемая в северных и восточных регионах концепция их развития до 2020 - 2025 гг. видится населением скорее формой очередной индустриализации и сырьевого освоения новых ресурсов этих территорий. Как показали наши исследования в Красноярском крае в 2010 - 2012 гг., мнение населения региона практически не расходится с точкой зрения исследователей, что "для колониальных центров Амазония и Сибирь представляли и представляют собой зоны хищнической индустриальной эксплуатации, где местное аборигенное население является лишь неудобной и нечеловеческой компонентой чужой и дикой природной среды этих территорий. Утилитарная идеология технократического прогресса и освоения "пустых" территорий, которой руководствовались колониальные державы, и по сей день движет бесконечным процессом имперской экспансии" [Брайтман, Гротти, Ултургашева, 2010]. Однако при этом регионы фронта обладают, помимо огромных территорий и природных ресурсов, солидным человеческим капиталом, наличием крупных университетских и научных центров, и, важно, значимым социокультурным потенциалом для настоящего модернизационного роста, выхода из колеи исключительно индустриального пути развития.

В целом, анализ исторических описаний, данных национальной статистики, а также социологических данных, позволяет утверждать, что концепция фронта находит подтверждение не только в формировании социальных норм и институтов на западе США. Существует общий феномен фронта, прослеживающийся в других эпохах и регионах. Привлечение данных социологии показало, что фронт может быть изучен шире традиционного понимания - как феномена истории и культуры США. Анализ данных Всемирного исследования ценностей подтвердил наличие характерных черт социума фронта в России, таких как более высокий уровень участия в общественных объединениях, обобщенного и личного доверия, толерантности, гражданского участия и общественного протеста, региональной идентичности и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Агеев А. Д. Сибирь и американский Запад: движение фронтиров. М.: Аспект-Пресс, 2005.

Басалаева И. Л. Критерии фронта: к постановке проблемы // Теория и практика общественного развития: электронный научный журнал. 2012. URL: <http://www.teoria-practica.ru/> (дата обращения: 05.09.2012).

Брайтман М., Гротти В. Э., Ултургашева О. Личность и "приграничная территория" в современных Амазонии и Сибири // *Laboratorium*. 2010. N 2. С. 437 - 438.

Всемирное исследование ценностей. - URL: <http://worldvaluessurvey.org/> (дата обращения: 05.09.2012)

Замятина Н. Ю. Зона освоения (фронт) и ее образ в американской и русской культурах // *Общественные науки и современность.* 1998. N 5.

Замятина Н. Ю. Образ фронта в США и России // *Американские исследования в Сибири. Американский и сибирский фронт.* Вып. 2. Томск, 1997.

Ключевский В. О. Курс русской истории. М.: Альфа-книга, 2011.

Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте / Составление и общая редакция: Н. И. Лапин, Л. А. Беляева. М., Academia, 2009.

Резун Д. Я. О некоторых моментах осмысления значения фронта Сибири и Америки в современной отечественной историографии // *Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII-XX вв.: общее и особенное.* Вып. 1. Новосибирск, 2001.

Резун Д. Я. Сибирь, конец XVI - начало XX века: фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск, 2005.

Румянцев В. П., Хахалкина Е. В. Использование теории фронта в сравнительно-исторических исследованиях: итоги и перспективы // "Славянский мир" Сибири. Новые подходы в изучении процессов освоения Северной Азии. Томск, 2009.

Социокультурный портрет Красноярского края: Монография / В. Г. Немировский, А. В. Немировская. Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2010. 264 с.

Социокультурные процессы в Восточной Сибири (на материалах социологических исследований в Красноярском крае и Республике Хакасия в 2009 - 2011 гг.) / Отв. ред. А. В. Немировская. Красноярск: СФУ, 2011.

Судакова О. Н. Концепт "сибирская культура" в теории фронта // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики.* Тамбов: Грамота, 2012. N4 (18): в 2-х ч. Ч. I. С. 179 - 183.

Супоницкая И. Русская Сибирь и Американский Запад. 012. - URL: http://www.liveinternet.ru/users/word_solo/post202048741/ (дата обращения 05.09. 2012).

Тернер Ф. Дж. Фронт в американской истории. М.: Весь мир, 2009.

Хромых А. С. Русская колонизация Сибири последней трети XVI - первой четверти XVII века в свете теории фронта. Автореферат на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Красноярск, 2009.

Billington R., Ridge M. Westward Expansion. A History of the American Frontier. Albuquerque: University of New Mexico Press, 2001.

Foa R., Nemirovskaya A, Mostowowa E. Internal Empires I: Social Institutions of the Frontier// Препринты программы фундаментальных исследований НИУВШЭ. Series: Sociology, WP BRP 09/ SOC/2012. 44 p.

Robinson J., Garcia-Jimeno C The Myth of the Frontier // *Understanding Long-Run Economic Growth: Geography, Institutions, and the Knowledge Economy.* National Bureau of Economic Research, Inc., 2009. pp. 49 - 88.

Shulman E. Stalinism on the Frontier of Empire: Women and State Formation in the Soviet Far East. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.

The Founding of New Societies: Studies in the History of the United States, Latin America, South Africa, Canada, and Australia / Edited by L. Hartz. New York: Harcourt, Brace & World, 1964.

Wrobel D.M. Beyond the Frontier-Region Dichotomy // *Pacific Historical Review.* 1996. Vol. 65. N 3. P. 401 - 430.